

составлял слова, отмечались церковью как раз в весеннюю пору года. В слове «на неделю Цветоносную» описание того, что творится тут же рядом, за стенами храма, кратко завершает собой повествование, в слове «на неделю Фомину» — предшествует ему. В обоих случаях картина условна: указываются одни лишь самые общие, постоянные признаки, и все же весна в изображении Кирилла — настоящая весна: ярко светит солнце, зеленеют деревья, благоухают цветы, разливаются реки, сооружая соты, перелетают с цветка на цветок пчелы, на лугах пасутся стада, играет на свирели пастух, а на полях уже «ралом» бороздят землю пахари.

Картина весеннего обновления природы, вставленная в евангельский сюжет, «приближала» его к слушателям. Но и сама она, на фоне сюжета, осложнялась в своем художественном содержании. Между природой и евангельскими событиями устанавливалась зримая таинственная связь; ликующая весна, по замыслу Кирилла, должна была напомнить слушателям обновление человечества во Христе.

Иносказательное значение приобретали в обработке Кирилла Туровского и другие евангельские сюжеты. В научной литературе даже высказывалось мнение, что сюжет интересовал Кирилла не сам по себе, а преимущественно как материал для аллегорического иносказания. Это, однако, не так. Разного рода аллегории, действительно, сопровождают его пересказы евангельских событий, но занимают в них сравнительно очень скромное место; есть слова, где они вообще отсутствуют (четвертое слово, восьмое). Аллегорическое иносказание никогда не было основной целью Кирилла, и в этом его коренное отличие от церковных писателей так называемой александрийской школы. Он никогда не подчинял текст писания какой-либо определенной, строго продуманной богословской концепции. Свои аллегорезы Кирилл, скорее поэт, чем богослов, изобретал, руководствуясь не столько логическим анализом текста, сколько чувством, радостно взволнованным в обстановке праздничного богослужения. Содержание их носит поэтически зыбкий, целиком на понятия не разложимый характер. Все они варьируют одну и ту же в сущности мысль; наиболее четко он сформулировал ее в слове «на неделю Фомину» цитатой из второго послания апостола Павла к коринфянам: «Днесь ветхая конечь прияха, и се быша вся нова» (V, 17). Рассеянные в разных местах повествования аллегории Кирилла и по самой своей природе ничего общего не имеют с богословской экзегезой писателей александрийского направления. У Кирилла аллегория не столько толкование текста в общепринятом тогда смысле этого слова, сколько «украшающий» изложение троп. Художественное его назначение: дать слушателям почувствовать, что евангельский сюжет и в целом и в отдельных своих частностях помимо прямого имеет еще и прообразное значение, содержит в себе различные «преславные тайны». Не случайно под пером Кирилла его аллегории часто редуцируются, обнаруживают тенденцию к превращению в сравнения или в особого вида метафоры — раскрытые, обнажающие свой иносказательный подтекст. Из таких метафор, например, едва ли не целиком состоит его, в слове третьем, картина весеннего торжества природы («Ныня ратаи слова, словесныя уньца к духовному ярму приводяще, и крестное рало в мысленых браздах погружающе, и бразду покаяния прочертающе, семя духовное всыпающе, надежами будущих благ веселяться»).

В XII в. в литературе древней Руси уже успели выработаться разные жанры повествования — летописного, агиографического. Слова Кирилла Туровского в центральной своей части утвердили в литературе той эпохи еще один тип повествования — риторического. Резкое ослабление нарративного начала — наиболее характерная его особенность.